

*Моей жене, моей драгоценной Мохинисо посвящается —
с любовью и благодарностью за все волшебные годы
нашей совместной жизни*

А человек,
А гордый человек,
Минутной куцей властью облеченный, —
Не понимая хрупкости своей
Стеклянной, нутряной, неустрашимой, —
Как злая обезьяна, куролесит
У господ, у неба на виду —
И плачут ангелы...

Уильям Шекспир. Мера за меру
Перевод О. Сороки

ЧАСТЬ I

Из леса выехали три всадника. Их сдержанное нетерпение не смогли притупить даже долгие недели постоянных утомительных поисков. Они одновременно натянули поводья, вглядываясь в очередное неглубокое ущелье внизу. Высохшая трава колыхалась под легким ветерком. Каждый стебелек увенчивала пушистая бледно-розовая головка семян, и казалось, что стадо черных антилоп плывет по брюхо в клубящейся розовой дымке. Единственный самец в стаде вывышался в холке почти на четыре с половиной фута. Шелковистая шерсть на спине была черной, как у пантеры, а живот и замысловатый узор на морде отливали поразительной перламутровой белизной. Огромные рога, похожие на кривые ятаганы янычар, доходили до самого крупа. Шея гордо изгибалась, точно у породистого арабского жеребца.

Для Ральфа Баллантайна эти самые благородные антилопы Африки, давно перебитые на юге, стали символом прекрасных диких земель между реками Лимпопо и Замбези.

Громадный черный самец бросил высокомерный взгляд на появившихся наверху всадников, фыркнул и, взмахнув густой черной гривой, повел своих шоколадно-коричневых самок прочь. Под цокот копыт по каменистой почве стадо галопом перевалило через дальний хребет — люди в безмолвном восхищении смотрели вслед великолепным животным.

Ральф первым пришел в себя и повернулся к отцу.

— Ну как, папа, узнаешь местность? — спросил он.

— Больше тридцати лет прошло, — пробормотал Зуга Баллантайн, сосредоточенно нахмурившись. — Тридцать лет. К тому же я был едва жив после приступа малярии. — Он повернулся к третьему всаднику, сморщенному коротышке-готтентоту, неизменному спутнику и слуге в течение тех тридцати лет: — А ты как думаешь, Ян Черут?

Готтентот снял потрепанную армейскую фуражку и пригладил крохотные завитки совершенно белых волос, плотно прилегающих к черепу.

— Может быть...

— Может быть, — грубо оборвал его Ральф, — вам все это в лихорадочном сне привиделось!

Зуга нахмурился. Морщины на его бородастом лице стали глубже, белый шрам на щеке порозовел. Ян Черут широко улыбнулся в предвкушении: отец с сыном дадут фору любым бойцовым петухам.

— Черт побери! — разозлился Зуга. — А не поехать ли тебе обратно к фургонам, сынок, составишь дамам компанию! — Из кармашка для часов он вытащил тонкую цепочку и потряс ею перед лицом Ральфа: — Вот! Вот тебе доказательство!

На цепочке висели небольшая связка ключей, всякие мелочи, золотая печатка, медальон святого Христофора, сигарная гильотина и кусочек кварца неправильной формы размером с виноградину. Камешек испещряли прожилки, делая его похожим на мрамор, а в середине поблескивало металлическое включение.

— Самородное красное золото! — заявил Баллантайн-старший. — Прямо под ногами валялось!

Ральф улыбнулся отцу вызывающей улыбкой: ему наскучили долгие недели бесплодных поисков.

— Я всегда подозревал, что камешек ты купил у улично-го торговца в Кейптауне. Да и не золото это вовсе, а скорее всего, обманка.

Шрам на щеке Зуги побагровел от ярости. Довольный Ральф засмеялся и хлопнул отца по плечу:

— Папа, если бы я действительно так думал, то не стал бы тратить на поиски столько времени. У меня железная дорога строится и прочих дел по горло, я бы уже давно уехал в Йоханнесбург или Кимберли. — Он потрепал Зугу по плечу и серьезно сказал: — Мы оба знаем, что золото где-то здесь. Может, мы прямо сейчас на нем стоим или наткнемся на него за следующим хребтом.

Кровь медленно отлила от лица Зуги, шрам побледнел.

— Фокус только в том, чтобы снова найти месторождение, — ровным тоном продолжал Ральф. — На поиски может потребоваться один час, а может, и десять лет уйти.

Наблюдая за отцом и сыном, Ян Черут испытал легкое разочарование. Однажды он уже видел, как они подрались, но это случилось давно. Теперь Ральфу почти тридцать, он возмужал, привык командовать сотнями неотесанных работников, управляясь с ними не только приказами, но и кулаками. И все же, несмотря на рост, мускулы и задиристость Ральфа, Ян Черут догадывался, что старый пес по-прежнему может вываливать щенка в пыли. Народ матабеле не зря когда-то дал Зуге имя Бакела — Кулак. Вдобавок Баллантайн-старший за все эти годы не разжирел, не утратил сноровку. Да, неплохо было бы посмотреть, кто кого, но, увы, не сегодня: вспышка ярости утихла, и отец с сыном вновь негромко и увлеченно разговаривают, склонившись друг к другу. Теперь они больше похожи на братьев: семейное сходство несомненно, однако Зуга выглядит слишком молодо, чтобы быть отцом Ральфа: кожа гладкая, озорной блеск в глазах, а серебряные нити в золотистой бороде, возможно, просто выгорели под безжалостным африканским солнцем.

— Если бы ты тогда определил координаты по солнцу! — пожаловался Ральф. — Остальные наблюдения были очень точными, я легко нашел все твои тайники со слоновой костью.

— К тому времени начался сезон дождей, — покачал головой Зуга. — Лило как из ведра! Мы целую неделю не видели солнца, все реки вздулись, и мы ходили кругами, пытаюсь найти брод... — Он осекся и взял повод левой рукой. — Впрочем, об этом я уже сто раз рассказывал. Поедем дальше, — тихо предложил он, и трое всадников стали спускаться в ущелье.

Зуга то склонялся к земле, высматривая обломки золотоносной породы, то вглядывался в горизонт, пытаюсь различить знакомые очертания вершин или отдаленного холма на фоне высокого неба, где безмятежно плыли серебристые куцевые облачка, предвещая хорошую погоду.

— Единственная надежная точка отсчета, которая у нас есть, — это развалины великого города Зимбабве, — пробормотал Зуга. — От них мы шли на запад восемь дней.

— Девять, — поправил Ян Черут. — Ты потерял один день, когда умер Мэтью. Тебя прихватила лихорадка, и мне пришлось возиться с тобой, как с младенцем, и к тому же мы тащили эту проклятую каменную птицу.

— Вряд ли мы проходили больше десяти миль в день, — продолжал Зуга, пропустив замечание готтентота мимо ушей. — Восемь дней пути — это не больше восьмидесяти миль.

— Великий Зимбабве там, прямо к востоку от нас. — Выбравшись на вершину следующего хребта, Ральф натянул поводья. — Вот Страж. — Он показал на голубоватый силуэт каменистой горы вдаль, похожий на припавшего к земле льва. — Я его ни с чем не спутаю. Развалины сразу за ним.

Как для отца, так и для сына развалины древнего города имели особое значение. В кольце массивных каменных стен Зуга и Ян Черут обнаружили изваяния птиц, брошенные давно исчезнувшими обитателями города. Несмотря на отчаянное положение, в котором оказались путники, изможденные лихорадкой и прочими напастьями длительного путеше-

ствия от реки Замбези к северу, Зуга настоял на том, чтобы увезти с собой одну из статуй.

Много лет спустя пришла очередь Ральфа. Следуя указаниям в дневнике отца и опираясь на содержащиеся в нем тщательные измерения положения солнца, сделанные с помощью секстанта, Ральф сумел добраться до покинутого города. Преследуемый пограничными отрядами Лобенгулы, короля матабеле, он не только нарушил табу, приехав в священное место, но еще и забрал все оставшиеся там статуи.

Трое путников побывали в незабываемом древнем городе, словно населенном призраками, и теперь смотрели на дальние холмы, за которыми он находился, вспоминая свои путешествия туда.

— Хотел бы я знать, кто же все-таки построил Зимбабве? — наконец нарушил молчание Ральф. — И куда они подевались потом? — В его голосе звучала непривычная задумчивость, он не ожидал ответов на свои вопросы. — Может, это были шахтеры царицы Савской? Не этот ли город назван в Библии страной Офир? Не отсюда ли текло золото в сокровищницы царя Соломона?

— Скорее всего, этого мы никогда не узнаем. — Зуга стряхнул с себя оцепенение. — Тем не менее, кто бы ни построил город, они, подобно нам, ценили желтый металл. На площади великого города Зимбабве я нашел золотую фольгу и бусины, а также слитки золота. Мы с Яном Черутом обнаружили шахты и видели сваленную в кучи золотоносную породу, приготовленную к обработке, — и все это должно быть где-то рядом, в радиусе нескольких миль. — Зуга глянул на коротышку-готтентота. — Ты здесь никаких примет не узнаешь?

Темное лицо гномика сморщилось, словно чернослив, — Ян Черут задумался.

— Может быть, со следующего хребта что-то видно будет, — мрачно пробормотал он, и троица поехала вниз по

склону, в очередное ущелье, ничем не отличающееся от сотен точно таких же, в которых путники побывали за недели поисков.

Ральф легким галопом ехал шагах в десяти впереди. Объезжая густые заросли черного дерева, он повернул лошадь и вдруг резко привстал в стременах и замахал сорванной с головы шляпой.

— Ату их! — закричал он. — Они убежали!

Зуга заметил мелькнувшее на открытом месте золотистое пятно.

— Целых трое! — возбужденно вопил Ральф с ненавистью в голосе. — Ян Черут, заходи слева! Папа, не дай им уйти из ущелья!

Ральф Баллантайн отдавал приказы, будто так и положено, а двое старших по возрасту спутников так же естественно его послушались, ни на секунду не задумываясь, зачем уничтожать великолепных зверей, спугнутых из зарослей черного дерева. Ральфу принадлежали двести фургонов, каждый из которых тянула упряжка из шестнадцати волов. Владения Зуги Кингс-Линн — земли, выделенные Британской южноафриканской компанией добровольцам, разбившим импи Лобенгулы, — занимали десятки тысяч акров, где паслись отборные племенные стада, захваченные у матабеле, и чистокровные быки, привезенные с мыса Доброй Надежды и из самой Англии. Как все владельцы скота, отец с сыном сильно страдали от нападений львов, которыми кишели прекрасные земли к северу от рек Лимпопо и Шаши. Слишком часто в ночи раздавалось полное боли и страха мычание ценного скота, а на рассвете обнаруживались обглоданные туши. Отец и сын считали львов худшей из возможных напастей и обрадовались редкой возможности атаковать львиный прайд среди бела дня.

Ральф выхватил многозарядный винчестер из кожаного чехла под левым коленом и пустил гнедого мерина галопом вслед за большими кошками. Лев первым бросился прочь —

Ральф лишь краем глаза видел, как мелькнули изогнутая спина, густая темная грива и тяжелые лапы. Худошавая львица постарше, покрытая шрамами от бесчисленных охот, с поседевшей на холке и спине шерстью, ненамного отстала от жожака, помчавшись за ним со всех ног. А вот вторая львица, незнакомая с людьми, повела себя смело. Она была совсем молоденькой: на светло-желтом брюхе еще виднелись характерные для львят пятна. С присущим кошкам любопытством львица остановилась на краю чаши и зарычала на преследователей, прижав уши. Между клыками показался шершавый розовый язык, белые усы встопорщились, как иголки дикобраза.

Ральф бросил поводья на шею мерина, и тот мгновенно встал как вкопанный, давая всаднику возможность выстрелить. Только нервное подрагивание ушей выдавало беспокойство коня.

Вскинув винчестер, Ральф спустил курок, едва приклад коснулся плеча. Нацеленная в сердце пуля впиалась в холку, и львица оглушительно заворчала. Высоко подпрыгнув, большая кошка зарычала в смертельной агонии, потом рухнула на землю, перекатилась на спину, молотя по воздуху лапами с выпущенными когтями, и, вздрогнув в последний раз, наконец обмякла.

Ральф перезарядил винчестер и взял в руки повод. Мерин сорвался с места.

Справа от Ральфа Зуга скакал по краю обрыва, пригнувшись к шее коня. В этот момент вторая львица выскочила на открытое место, отчаянно пытаясь добежать до глубокого, заросшего кустарником ущелья впереди. Зуга выстрелил в нее на полном скаку — рядом с брюхом львицы взметнулся фонтанчик пыли.

«Слишком низко и далеко влево. Папа стареет», — презрительно подумал Ральф и бросил поводья, заставив мерина мгновенно остановиться. Не успел Ральф вскинуть ружье, как Зуга снова выстрелил — львица упала, покотившись по

каменистой почве желтым пушистым мячиком: пуля попала в шею, на ладонь позади уха.

— Ну ты даешь! — со смехом восхитился Ральф и воткнул пятки в бока мерина, пустив его галопом.

Отец с сыном скакали плечом к плечу.

— Где Ян Черут? — кричал Зуга.

Словно в ответ на его вопрос слева раздался выстрел — они повернули лошадей к лесу.

— Ты его видишь? — спросил Ральф.

Впереди кусты становились гуще, колючие ветки били по ногам. Послышался еще один выстрел, и тут же яростно заревел лев и пронзительно завопил Ян Черут.

— Ему нужна помощь! — кричал встревоженный Зуга.

Всадники вырвались из колючей чащи, оказавшись в похожем на парк лесу: на гребне холма росли высокие акации с плоскими верхушками, землю покрывала густая травка. В ста шагах впереди Ян Черут сломя голову несся вдоль хребта, оглядываясь с искаженным от ужаса лицом и сверкая вытаращенными глазами. Забыв про потерянную шляпу и ружье, он нахлестывал коня, который и так летел бешеным галопом.

Шагах в десяти за Яном Черутом гнался лев. С каждым пружинистым прыжком зверь приближался, легко нагоня скачущего галопом коня. Бок льва заливала алая кровь: пуля пробила брюхо, но рана нисколько не мешала хищнику, даже не замедлила его движения. Наоборот, лев пришел в ярость, и его рев походил на раскаты грома.

Ральф развернул мерина в попытке перехватить готтента, не подставляя его под выстрел, но тут лев догнал лошадь и взвился над ее крупом. Длинные изогнутые когти врезались в покрытую потом шкуру, оставив глубокие параллельные разрезы, из которых брызнула кровь.

Лошадь отчаянно заржала и ударила задними копытами льва в грудь. Зверь пошатнулся, однако погоню не бросил

и стал подбираться сбоку, готовый вскочить на спину испуганному до смерти коню. Глаза хищника горели желтым огнем.

— Прыгай, Ян Черут! — закричал Ральф. Лев подобрался слишком близко, стрелять рискованно. — Прыгай, черт по-бери!

Парализованный страхом, Ян Черут, похоже, не услышал, беспомощно цепляясь за спутанную гриву.

Лев вдруг с легкостью прыгнул и, словно огромная желтая птица, опустился на спину коня, придавив всадника своей тяжелой тушей. И тут все трое — лошадь, всадник и лев — словно сквозь землю провалились, оставив позади лишь столб пыли.

Ральф галопом летел вперед — он никого не видел, но разъяренное рычание льва и вопли охваченного ужасом Яна Черута становились все громче.

Зажав винчестер в руке, Ральф рывком высвободил ноги из стремян и соскочил с седла, по инерции пробежав вперед, пока не оказался на краю ямы с отвесными стенками, на дне которой барахтались животные и человек.

— Он сожрет меня! — вопил Ян Черут, прижатый к земле лошадью, которая, похоже, сломала шею при падении и лежала, неестественно изогнув голову. Лев рвал лошадиную тушу и седло, пытаясь добраться до готтентота.

— Лежи смирно! — крикнул Ральф. — Дай мне возможность выстрелить!

Предназначенный Яну Черуту приказ услышал лев. Хищник перестал терзать лошадь и полез по вертикальной стенке, точно кот по стволу дерева. Мощные задние лапы легко подбрасывали вверх тяжелое тело, взгляд бледно-желтых глаз был прикован к человеку, стоявшему на краю глубокой ямы.

Опустившись на колено, Ральф прицелился в широкую грудь зверя. Из разинутой пасти торчали клыки в палец длинной, белые, точно отполированная слоновая кость. Лев оглу-

шительно зарычал прямо в лицо человеку, обдав его вонючим дыханием и забрызгав горячей слюной.

Ральф нажал на спусковой крючок, потянул за рычаг, перезаряжая ружье, и снова выстрелил — выстрелы так быстро последовали один за другим, что их грохот слился в один непрерывный звук. Выгнув спину, лев на мгновение завис на стене, потом перевернулся и рухнул на тушу лошади.

На дне ямы все замерло — после грохота выстрелов тишина показалась невыносимой.

— Ян Черут, ты жив? — крикнул встревоженный Ральф.

Коротышка-готтентот был целиком погребен под тушами лошади и льва.

— Ян Черут, ты меня слышишь?

В ответ раздался глухой загробный шепот:

— Мертвецы ничего не слышат. Все кончено, старина Ян Черут ушел к духам.

— Ян Черут, вылезай! — скомандовал Зуга, подходя к краю ямы. — Некогда дурака валять!

Ральф сбросил в яму пеньковую веревку и с помощью Зуги вытянул Яна Черута наверх — вместе с седлом, снятым с мертвой лошади.

Яма, в которую упал готтентот, оказалась глубоким узким рвом, вырытым вдоль гребня холма. Местами глубина рва достигала двадцати футов, хотя ширина никогда не превышала шести. Большею частью он зарос лианами и густым кустарником, однако сомневаться в его искусственном происхождении не приходилось.

— Древние шахтеры копали вдоль рудной жилы, — догадался Зуга, двигаясь вдоль рва. — Вырыли яму и не позаботились ее потом заполнить.

— А как они ухитрились раздробить породу на куски? — недоверчиво спросил Ральф. — Там ведь камень!

— Скорее всего, разжигали на поверхности камня костры, а потом заливали их водой — термическое сжатие и расширение ломало породу.

— Похоже, они выбрали все до последней песчинки, не оставив нам ничего!

Зуга кивнул:

— Вероятно, они выработали эту часть, а когда жила иссякла, то стали рыть шурфы, пытаясь вновь на нее наткнуться. — Зуга повернулся к Яну Черуту: — Ты узнаешь это место?

Готтентот медлил в нерешительности. Зуга показал вниз по склону:

— Вон там в долине болото, вон роща тиковых деревьев...

— Точно! — Ян Черут захлопал в ладоши, его глаза засветились. — То самое место, где ты убил старого слона — его бивни стоят на крыльце в Кингс-Линн!

— Значит, древние шахтные отвалы там! — Зуга торопливо зашагал вперед.

У заросшего травой пригорка он опустил на колени и стал копать между корней. Вытаскивая осколки сахарно-белого кварца, он быстро осматривал каждый камешек и большую часть отбрасывал; некоторые смачивал слюной, поднимал к свету, пытаясь разглядеть блеск металла, потом хмурился и разочарованно качал головой.

Наконец Зуга встал и вытер руки об штанины.

— Это в самом деле кварц, но древние шахтеры, должно быть, вручную сортировали каждый обломок в отвале. Чтобы увидеть золотую руду, придется найти старые штольни.

Стоя на вершине отвала, Зуга легко сориентировался на местности.

— Подстреленный слон упал примерно там.

В подтверждение его слов Ян Черут, поискав, нашел в траве огромную бедренную кость — сухую, совсем белую и начавшую рассыпаться после тридцати лет под солнцем Африки.

— Он был отцом всех слонов, — почтительно заметил Ян Черут. — Другого такого уже никогда не будет. Это он привел нас сюда. Ты подстрелил его, и он упал здесь, чтобы отметить это место для нас.

Зуга повернулся на четверть оборота:

— Древняя штольня, где мы похоронили Мэтью, должна быть там.

Ральф вспомнил охоту на слона, описанную отцом в его знаменитой книге «Одиссея охотника». Чернокожий оруженосец не бросился наутек, увидев нападающего зверя, а передал Зуге второе ружье, пожертвовав жизнью ради спасения жизни хозяина. Поэтому Ральф застыл в молчании, а Зуга опустил на колено возле груди камней, отмечавшей могилу оруженосца.

Постояв минуту, Баллантайн-старший встал и отряхнул брюки.

— Славный был парень, — просто заметил он.

— Славный, — согласился Ян Черут, — но глупый. Умный показал бы пятки.

— К тому же умный выбрал бы себе другое местечко для могилы: здесь он разлежся прямо в золотой жиле, — пробормотал Ральф. — Придется нам его выкопать.

Зуга нахмурился:

— Пусть лежит. Есть и другие шахты.

Он пошел дальше, его спутники последовали за ним. Шагов через сто Зуга остановился.

— Здесь! — удовлетворенно воскликнул он. — Вот вторая штольня — всего мы нашли четыре.

Отверстие второй штольни было забито обломками камней. Ральф снял куртку, прислонил винчестер к стволу ближайшего дерева и залез в неглубокую выемку.

— Я открою вход, — сказал он, согнувшись в узком засыпанном проходе.

Квадратное отверстие штольни вскрыли за полчаса — с помощью веток выковыривали булыжники из завала и вручную убирали их в сторону. Вход оказался таким узким, что пролезть в него смог бы разве что ребенок. Они встали на колени и заглянули внутрь: непроницаемая темнота не позволяла определить глубину шахты, оттуда несло сыростью,

запахом плесени, вонью помета летучих мышей и гниющих останков.

Ральф и Зуга устали в шахтный ствол, с жутким любопытством.

— Говорят, древние использовали на рудниках рабский труд детей и захваченных в плен бушменов, — пробормотал Зуга.

— Нужно выяснить, есть ли там золотая жила, — прошептал Ральф. — Но ни один взрослый... — Он осекся.

Помолчав, Зуга и Ральф с улыбкой обменялись понимающим взглядом и одновременно посмотрели на Яна Черута.

— Ни за что! — завопил коротышка-готтентот. — Никуда я не полезу! Ни за что! Только через мой труп!

Ральф нашел в седельной сумке огарок свечи, а Зуга тем временем связал вместе три веревки, которыми обычно стреножили лошадей. Ян Черут наблюдал за приготовлениями с видом осужденного, взирающего на постройку виселицы.

— Двадцать девять лет, с тех самых пор, как я появился на свет, ты не устал расписывать мне свои храбрые подвиги, — напомнил Ральф, нежно обнимая готтентота и подводя его к входу в шахту.

— Ну, возможно, я немного преувеличивал, — сознался Ян Черут.

Зуга обвязал его веревкой под мышками и повесил ему на пояс седельную сумку.

— Ты, который сражался с дикарями и охотился на слонов и львов, ты боишься какой-то дырки в земле? — продолжал Ральф. — Чего там вообще бояться? Подумаешь, парочка змей, полная темнота и призраки мертвецов — а больше там и нет ничего!

— Может, я довольно сильно преувеличивал, — хрипло прошептал Ян Черут.

— Ян Черут, но ведь ты же не трус?

— Еще какой трус! — горячо заявил коротышка. — Я ужасный трус, и вниз мне никак нельзя!

Ральф легко поднял готтентота и опустил его в шахту — Ян Черут извивался на веревке, словно червяк на крючке. По мере того как веревка уходила вниз, протестующие крики постепенно становились все глуше.

Ральф отмерял длину опущенной веревки, считая, что размах его рук равен шести футам. Он опустил Яна Черута на глубину шестидесяти футов, прежде чем натяжение веревки ослабло.

— Ян Черут! — завопил Зуга в глубину шахты.

— Здесь небольшая пещера, — донесся сдавленный, искаженный эхом голос снизу. — Я едва могу в ней выпрямиться. Камни закопчены.

— Они готовили на кострах, — догадался Зуга. — Рабов, должно быть, держали в шахте до самой смерти, они никогда не видели дневного света. — Он повысил голос: — Что ты еще видишь?

— Вережки, сплетенные из травы. Кожаные ведра вроде тех, которыми мы пользовались на алмазном прииске... — Ян Черут осекся. — Тут все в пыль рассыпается, едва прикоснешься. — Послышалось приглушенное чихание и кашель — готтентот надышался поднятой пылью и заговорил в нос: — Железные орудия, похожи на тесло... Во имя великой змеи, здесь мертвецы! — Голос Яна Черута явственно дрожал. — Здесь скелеты! Скорее вытащите меня отсюда!

Заглянув в узкое отверстие шахты, Ральф разглядел мерцающий огонек свечи на дне.

— Ян Черут, из пещеры есть какой-нибудь выход?

— Вытащите меня!

— Ты никакого прохода не видишь?

— Вижу, вижу, а теперь вытащите меня отсюда!

— Нет, сначала пройди по этому проходу до конца.

— Да ты спятил! Мне придется на карачках ползти!

— Возьми тесло и расширь проход.

— Нет! С меня хватит! Я дальше не пойду! Тут мертвецы на каждом шагу, они охраняют шахту.

— Ладно, — сказал Ральф, — тогда я сброшу второй конец веревки тебе на голову.

— Ты не посмеешь!

— А потом снова завалю шахту камнями.

— Так и быть, я иду... — с отчаянием в голосе сдался Ян Черут.

Веревка вновь заскользила вниз, точно змея, уползающая в нору.

Ральф и Зуга сидели на корточках возле ямы в земле, по очереди затягиваясь последней сигаретой, и нетерпеливо ждали.

— Покидая шахты, вход, должно быть, завалили, оставив рабов внизу. Раб был ценным имуществом, значит рудник покидали в спешке, не успев выработать жилу. — Зуга помолчал, прислушиваясь. — Наконец-то! — удовлетворенно воскликнул он. Из глубины послышалось отдаленное звяканье металла по камню. — Ян Черут добрался до выработки.

Тем не менее прошло еще немало времени, прежде чем на дне шахты снова блеснул огонек свечи и послышались умоляющие вопли Яна Черута:

— Пожалуйста, мистер Ральф, я все сделал. Вытащите меня отсюда!

Ральф встал над шахтой, упираясь ногами в противоположные края, и потащил веревку вверх — под рукавами тонкой рубашки вздувались и опадали мускулы. Он поднял готтентота без передышки, даже не запыхавшись, на лбу не выступило ни единой капли пота.

— Ну как, Ян Черут, что ты там нашел?

От слуги, с головы до ног покрытого слоем пыли, в которой пот прорезал грязные дорожки, воняло пометом летучих мышей и затхлостью заброшенных пещер. Ян Черут открыл закрепленную на поясе седельную сумку — руки у него все еще тряслись от страха и усталости.

— Вот что я нашел, — прохрипел он, передавая Зуге обломок камня.

На изломе камень поблескивал льдистыми кристалликами, его испещряли синеватые прожилки и трещинки. Под ударами тесла кусок породы местами треснул насквозь, но обломки блестящего кварца держались вместе благодаря веществу, заполнившему каждую выемку, — тонкий слой пластичного металла ярко заблестел на солнце, когда Зуга смочил обломок слюной.

— Ральф, ты только посмотри!

Сын взял из рук отца обломок камня с трепетом христианина, принимающего святое причастие.

— Золото! — прошептал он.

Обломок кварца ослепил его желтым сиянием, которое очаровывало людей почти с тех самых пор, как они научились ходить на двух ногах.

— Золото! — повторил Ральф.

Чтобы найти этот проблеск драгоценного металла в породе, отец и сын трудились всю жизнь, проехали тысячи миль и вместе с другими любителями наживы воевали в кровавой войне, помогая уничтожить гордый народ и заставив преследуемого короля умереть в одиночестве.

Под руководством больного человека, страдающего сердечным недугом и охваченного честолюбивыми мечтами, они завоевали огромную страну, названную в честь их предводителя Родезией, и одно за другим присвоили себе ее сокровища. Они захватили просторные пастбища с сочной травой, великолепные горные хребты, леса, где росли ценные породы деревьев, стада упитанного скота и тысячи мускулистых чернокожих людей, которые за гроши собирали с этих земель громадный урожай. А теперь наконец отец и сын держали в руках самое главное сокровище.

— Золото! — вновь повторил Ральф.

Двигаясь вдоль гребня хребта, они вырезали колышки из живых деревьев акации — из оставленных топорами ран струился прозрачный сок — и вколачивали их в твердую почву ударами обуха. Угол каждого участка отмечался каменной пирамидкой. По условиям соглашения, подписанного в Форт-Виктории добровольцами перед походом против импи Лобенгулы, каждый из них получал право на десять золотоносных участков. К Яну Черуту это, естественно, не относилось. Хотя он и участвовал в набеге отряда Джеймсона¹ на Матабелеленд и с не меньшим энтузиазмом, чем его хозяева, стрелял в амадода на берегу реки Шангани и на переправе через реку Бембези, цвет кожи не позволял готтентоту получить долю добычи.

Помимо полагающихся каждому десяти участков, Зуга и Ральф скупили права на участки у пропойц и гуляк из отряда добровольцев Джеймсона — иногда всего за бутылку виски. На пару отец и сын захватили почти весь хребет и большую часть ущелий по обе стороны от него.

Работа была тяжелая, но откладывать ее нельзя: вокруг бродили и другие искатели золота, некоторые из них могли добраться сюда по следам Баллантайнов. Отец с сыном работали в полуденную жару и при свете луны, пока не падали от усталости, выронив топоры и заснув там, где упали. Вечером четвертого дня они наконец остановились, удовлетворенные проделанной работой: вся золотая жила в их руках. Участки лежали вплотную друг к другу, ни один посторонний золотоискатель не найдет свободного места, чтобы вбить свои колышки.

— Ян Черут, у нас осталась последняя бутылка виски, — простонал Зуга, распрямляя ноющие плечи. — Тем не менее сегодня наливай себе сколько захочешь.

---

¹ *Линдер Старр Джеймсон* (1853–1917) — врач по профессии. Среди его пациентов были президент Трансвааля Пауль Крюгер и король матабеле Лобенгула. Оставив медицинскую практику, принял участие в походе первопоселенцев в Машоналенд; позже стал управляющим Машоналендом, сыграл ключевую роль в Первой войне с матабеле. — *Здесь и далее примеч. перев.*